

УДК 141.7

О ПРИЧИНАХ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ ЗАПАДА НА ВОСТОК

А.Т. Бейшенова

Раскрываются причинно-следственные связи отношений между Западом и Востоком на примере различных культур в разные исторические эпохи, а также природа происхождения феномена "воля к власти".

Ключевые слова: европоцентризм; этноцентризм; псевдоподобие; воля к власти.

ABOUT WEST VIEW EVOLUTION REASONS ON EAST

А.Т. Beishenova

The paper describes the reasons and consequences of relations between West and East as the example of different cultures in different historical epochs, and the nature of phenomenon origin «will of power» is revealed.

Keywords: eurocentrism; ethnocentrism; pseudosimilarity; will of power.

В зависимости от угла зрения, преследуемой цели, методологического подхода и других аспектов Восток можно дифференцировать различным образом. Так, с точки зрения направления в истории его цивилизационного развития в европейской гуманитарной науке, как и в общественном мнении, еще в период позднего Средневековья было принято выделять три основных направления: первое – панегирическое (хвалебное), второе – критическое и третье – исламское. В рамках первого из указанных направлений Восток, и в первую очередь Китай, представлялся краем, частью света, которому было свойственно всеобщее благоденствие, ученость и просвещенность. Поэтому, до того как Китай и другие страны Юго-Восточной Азии были покорены европейцами, они часто представлялись образцами мудрости в государственном управлении.

В рамках второго направления и типа цивилизации, в который были включены Древний Египет и Персия, а также некоторые другие деспотические восточные государства, европейская мысль сосредоточивала свое внимание главным образом на духе рабства, насилия, жестокости и длительной стагнации. Очевидно, что такой угол зрения, подход и оценка объяснялись не только и не столько действительными чертами данной части Востока, сколько его противостоянием, прямой, непосредственной борьбой, контактом ряда европейских государств с государствами Азии и Африки, как в случае с Древним Египтом и Карфагеном. Собственно говоря, такое восприятие и оценка Восто-

ка европейцами является ярким примером, когда пропаганда, а также политическая, военная и экономическая целесообразность, необходимость подменяли собой объективный, научный, непредвзятый взгляд и оценку.

В рамках третьего направления развития и типа цивилизации, в который были включены арабо-исламские государства, среди европейцев сравнительно широкое распространение получило представление о морально-этическом превосходстве арабо-мусульманского мира, цивилизации над Западом, во многом благодаря его военной мощи, а также развитию целого ряда точных наук, таких как география, тригонометрия, алгебра, астрономия, химия, медицина, психология и других.

Восприятие и оценка Востока Западом испытали серьезные изменения в эпоху бурного развития капитализма, когда Европа внезапно совершила резкий рывок в своем развитии и вошла в стадию, на которой окончательно оформилась идея и концепция европоцентризма.

В современной мировой гуманитарной науке настойчиво утверждается так называемый цивилизационный подход, который основывается на идеях культурного плюрализма, признании ценности и полноправия любой культуры или конфессии и на необходимости отказа от идеи внутреннего, нравственного превосходства и преимущества той или иной культуры над другими культурами, таким образом, на отрицании идеи как европоцентризма, так и превосходства Востока над Западом.

Безусловно, это относится в первую очередь к научному поиску истины, ее освобождению от политики и интересов конкретных сообществ и государств. Поэтому в оценке взаимоотношений Востока и Запада необходимо признание права выбора тем или иным народом или государством своего пути развития и уважение этого права. Но вовсе не затем, чтобы разобщить народы, принадлежащие к различным цивилизациям и культурам, а для того, чтобы снизить накал противостояния и не придавать ему форму открытого, острого, непримиримого конфликта. В научной сфере все это должно, по нашему мнению, привести к доминированию концепции, подходу, согласно которому конечной целью развития различных цивилизаций является их сближение и образование единой мировой, действительно общечеловеческой цивилизации. Несомненно, это наносит серьезный ущерб тому значительному культурному разнообразию, которым в настоящее время располагает человечество. Однако люди не могут отказаться от дальнейшего развития во имя сохранения этого разнообразия. С другой стороны, в условиях ограниченных ресурсов, необходимости решать совместно нарастающие глобальные проблемы люди должны исключить конфликтные формы сосуществования, что, естественно, предполагает культурное и ментальное сближение народов планеты, создание более или менее единой ценностной базы.

Что касается ближайшего прошлого, то в XX веке, когда военное, научно-техническое и технологическое доминирование Запада приобрело абсолютные черты, его отношение к Востоку стало носить черты некоторой примитивности, однобокости и одномерности. Восток независимо от специфики его регионов предстал в европейской картине мира и в массовом европейском общественном сознании в виде бедных и безнадежно отсталых народов и государств, которые вынуждены были смотреть в сторону Запада и должны были заимствовать у него, перенимать идеи и модели развития и руководства. Таким образом, реальное доминирование государств и народов Запада трансформировалось в ментальной сфере и затем укоренилось в сознании в виде убеждения, что историческая миссия западных государств в Азии, как и в мире в целом, состоит в том, чтобы распространять и внедрять повсюду свою передовую культуру, ценности, учить, руководить и повелевать.

Запад не был в этом отношении оригинален и не был первопроходцем. Как показывает история и практика, стоило какому-либо народу или государству (или группе народов и государств) опередить в своем развитии другие народы или

государства либо просто превзойти их в военном отношении, как тут же этот народ или государство обзаводился соответствующей совокупностью идей, призванных окончательно утвердиться в собственном праве повелевать, навязывать свою волю, быть свободным в своих действиях, направленных, как правило, на расширение и дальнейшее закрепление своего господства. Все это находилось и находится в пределах человеческой природы, как природы живого вообще. Здесь будет вполне уместным сослаться на центральное понятие философии жизни Ф. Ницше, а именно к “воле к власти”. Изложим вкратце концепцию немецкого философа, поскольку она, имея универсальный характер, может, по нашему мнению, пролить свет и на характер отношений Востока и Запада, внутреннюю их суть, природу.

“Жизнь, – писал Ф. Ницше, – можно было бы определить как длительную форму процессов уравнивания силы, в течение которых силы борющихся, в свою очередь, растут в неодинаковой степени. Поскольку и в повиновении заключено противодействие, оно отнюдь не равносильно отказу от собственной власти. Точно так же в приказывании заключено признание, что абсолютная власть противника не побеждена. “Повиновение” и “приказывание” – формы борьбы” [1, с. 300].

Жизнь, как ее интерпретировал Ф. Ницше, воплощается в виде “жизненного потока” в форме непрерывного становления, являющегося основополагающей, естественной, присущей с момента возникновения чертой всего живого, сущего. Становление жизни, по Ницше, есть постоянное и непрерывное вставание и выстаивание, поскольку, для того чтобы быть, каждый раз необходимо стать. Таким образом, становление само по себе требует от живого постоянных усилий, и по этой причине все, что способно и испытывает желание жить, должно и содержит в себе способность, стремление и энергию для того, чтобы ценой постоянных усилий вставать и выстаивать. Это усилие, воплощающееся в виде рывка из потенциального в реальное, наличное, действительное, истолковывалось мыслителем как единство “сохранения и возрастания” жизни. Все, что наделено способностью жить, естественно, желает сохранить себя, что, однако, возможно лишь при условии неутомимого возрастания. Отсюда и возникает категория воли к власти, которая “может проявиться только тогда, когда встречает противодействие; она, следовательно, ищет того, что может оказать ей сопротивление, – это первоначальная тенденция протоплазмы, обнаруживающаяся в тот момент, когда она вытягивает свои псевдоподии и нащупывает ими все вокруг себя. Присвоение и усвоение явля-

ются, прежде всего, результатами стремления покорять, формировать, приблизить к своему типу, преобразовывать, пока наконец преодоленное не перейдет совсем в сферу власти нападающего и не увеличит собой последней” [1, с. 305].

Поскольку стремление к неустанному возрастанию выступает условием сохранения жизни, то сама жизнь на деле, в ее реальном воплощении есть не что иное, как непрерывное становление, вне и без которого невозможно сохранение жизни. Поэтому единство “сохранения – возрастания” является необходимой и основной чертой жизни. Постоянные усилия становления, через которые реализуется “жажда жизни” всего, что тянется к жизни, Ф. Ницше включил в понятие “воля к власти”, которая составляет, по его мнению, “самую внутреннюю сущность бытия”. “Если глубочайшая сущность бытия, – писал Ф. Ницше, – есть воля к власти, если удовольствие сопутствует всякому росту власти, а неудовольствие – всякому чувству невозможности сопротивления, чувству невозможности одержать верх, можем ли мы в таком случае принять удовольствие и неудовольствие за кардинальные факты? Возможна ли воля без этих обеих крайних точек; без да и нет? Но кто чувствует удовольствие?.. Но кто хочет власти?.. Нелепый вопрос! Когда всякое существо само есть воля к власти, а следовательно, и чувство удовольствия и неудовольствия! И все-таки – оно ощущает нужду в противоположностях, в сопротивлении, т. е. относительно, в других единствах, стремящихся к расширению своих пределов” [1, с. 330].

Если воля к власти есть атрибутивная черта всего живого, то возникает правомерный вопрос: присуща ли она целым народам, цивилизациям? Стремление преобладать, господствовать, не уступать, навязывать свою волю, отстаивать свои интересы вполне присуще каждому отдельному человеку. Другое дело, способен ли он осуществлять это на деле и как он это делает? Само же стремление носит черты атрибутивности. Но если указанные стремления свойственны каждому отдельному человеку, являясь главной чертой его естества, то присуща ли они целому народу и даже цивилизации? Мы полагаем, что присущи. Если представить каждого человека как атом, т. е. мельчайшую частицу вещества, являющуюся носителем его свойств, а общество – как само вещество, то человек как таковой в конечном счете задает основополагающие свойства этого общества. Если каждый отдельно взятый человек от природы наделен “волей к власти”, то естественно предположить, что тот или иной социум, если его рассматривать как единое целое, так же естественным образом стремится к преобладанию, господству, склонно навязывать

свою волю другим сообществам и отстаивать свои интересы.

Разве история, в том числе текущая, современная реальность, не изобилует великим множеством примеров, строго и четко подтверждающим данное положение, принцип, который было бы вполне справедливо распространить и на целые цивилизации? Применительно же к таким фундаментальным феноменам, как Восток и Запад, это может означать, в частности, что Восток в этом отношении не имеет принципиальных отличий от Запада. И если по каким-либо причинам государства Востока опередили в своем военном и общественно-экономическом развитии государства Запада, то весьма вероятно, что имели бы, по сути, все то же самое, что и сейчас, но с соответствующей переменной мест: высокомерный и поучающий Восток и внемлющий Запад.

Для того чтобы данное утверждение не выглядело голословным, сошлемся в качестве убедительного примера на Китай. Одной из главных особенностей китайской цивилизации является то, что Китай, в отличие от цивилизаций, существовавших параллельно с ним, в течение нескольких тысячелетий развивался обособленно, в относительной изоляции. Даже самоназвание Древнего Китая – “Чжунго” (“Срединная страна”) – свидетельствует о глубоком этноцентризме китайской ментальности. В данном названии подразумевается, что Китай находится в середине, в центре Земли, а вокруг него обитают агрессивные варварские народы и племена, существенно уступающие китайцам в своем культурном развитии [2, с. 16]. Представляется почти парадоксальным тот факт, что, когда в конце XIX и в начале XX века Китаю после разгрома так называемого “Боксерского восстания”, сожжения Пекина коалиционными силами, состоявшими из объединенных войск Италии, США, Франции, Австро-Венгрии, Японии, Германии, Великобритании и России, были навязаны крайне невыгодные и унижительные условия мира, государственная и политическая элита продолжала считать европейцев и американцев варварами в привычном для них смысле этого слова [3].

Приведенные нами факты свидетельствуют о чрезвычайном этноцентризме китайцев. Однако из этого не следует, что, к примеру, японцы или англичане уступают им в этом отношении. Вероятно, народы отличаются по степени этноцентризма, но при этом очевидно, что в любом случае в основе их самобытности и существования лежит этноцентрический принцип. Человеческая природа, которая является природой живого существа, везде одинакова и неизменна. Переменчива, текуча реальность, и в зависимости от того, какова она,

проявляются те или иные стороны, черты человеческой сущности.

Утверждая это, мы не пытаемся таким образом оправдать высокомерие Запада, его убежденность в собственном превосходстве над остальным миром (в том числе Востоком), в праве поучать другие народы, навязывать им свое представление о мире, свои ценности. Народы Европы и США в этом отношении не делают, по сути, ничего нового. Везде и всегда народы, устанавливавшие свое господство за пределами своих исконных территорий, затем неизбежно устанавливали необходимый им порядок, будучи убежденными в том, что имеют на это право, которое предоставляла им их сила, мощь, превосходство над противником. При этом нравственность, морально-этические принципы, так или иначе, приспособлялись под текущую действительность и определенные задачи, решив которые, доминирующий социум укреплял собственное положение.

Данный принцип, как показывает история, имеет универсальный характер и не зависит от географической и культурной специфики. Он, следовательно, одинаково присущ как Востоку, так и Западу. Специфичной может быть форма, в которой воплощается данный принцип, но суть неизменна. Различие между Востоком и Западом в этом отношении состоит лишь в том, что в определенный исторический период, а именно начиная с эпохи капитализма, Запад (вернее, Европейская цивилизация) совершил рывок в своем развитии.

Литература

1. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994.
2. Селищев А.С. Китайская экономика в XXI веке / А.С. Селищев, Н.А. Селищев. СПб.: Питер, 2004.
3. Ихэтуаньское восстание // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ихэтуаньское восстание](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ихэтуаньское_восстание)